

Самая Вагиф

---

*Если он  
выбрал тебя...*

---

Повести и рассказы

---



Самая Вагиф

**Если он выбрал тебя...**  
**Повести и рассказы**

«Издательские решения»

**Вагиф С.**

Если он выбрал тебя... Повести и рассказы / С. Вагиф —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834717-7

В основе сюжетов моих повестей и рассказов — трагические истории женщин, вступивших в схватку с собственной судьбой. О том, кто вышел победителем, каждому читателю придётся решать самому.

ISBN 978-5-44-834717-7

© Вагиф С.  
© Издательские решения

## Содержание

Если он выбрал тебя...	6
Глава 1. Марзийя	6
Глава 2. Шихы	9
Глава 3. Ирада	11
Глава 4. Малик	14
Глава 5. Ситара	17
Глава 6. Ирада	22
Глава 7. Зафар	26
Глава 8. Малик	28
Глава 9. Ирада	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Если он выбрал тебя...**  
**Повести и рассказы**  
**Самая Вагиф**

© Самая Вагиф, 2016

ISBN 978-5-4483-4717-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Если он выбрал тебя...

## Повесть

*Когда Боги хотят наказать нас, они исполняют наши желания.*  
*Оскар Уайльд*

### Глава 1. Марзийя

В течение первых десяти лет своего брака моя мать Марзийя родила шесть дочерей, и мой отец колотил бедную женщину каждый раз, когда она возвращалась домой из больницы с очередной новорождённой девочкой на руках. Он страстно мечтал о сыне, и никакие доводы и уговоры родственников, соседей и знакомых не могли разубедить упрямого Шихы в том, что его рожавшая девочек жена была столь же виновата в этом, сколь виновато солнце, поднимаясь на востоке, а не на западе.

После рождения третьей девочки в нашей семье завёлся один обычай. Возвращаясь из больницы домой, мама укладывала туго запелёнутого младенца на старую железную кровать в небольшой, со скудной обстановкой комнате, служившей не только им, но и нам, их детям, в качестве спальни. Затем она отходила от кровати, но не более чем на полметра, и застывала на месте подобно каменному изваянию. Через несколько минут в спальню, мрачно насупив брови, вваливался Шихы и принимался сосредоточенно распутывать и развязывать многочисленные узелки на синей ленте пелёнок, в чьих недрах копошилось крохотное существо – его новорождённое дитя. Узелки эти по известной только ей причине делала Марзийя. Они не желали поддаваться грубым пальцам Шихы, и он яростно чертыхался, а жена от его грозного шипения невольно вздрагивала и с испугом отшатывалась в сторону, но словно магическая сила заставляла женщину вновь покорно возвращаться обратно к кровати. Её тоскливый взор перебегал с мужа на дитя и обратно, и губы тихо шептали какую-то молитву, пока наконец последний узелок не сдавался под напором пальцев её мужа. Шихы мог бы и ножницами разрезать тесьму на пелёнках, но почему-то он предпочитал более долгий путь к своей цели. Странным казалось в его поведении и то, что он уже знал, кого родила ему жена. Последнее движение пальцев Шихы, и маленькие розовые ножки, радуясь неожиданной свободе, взмывали вверх. Из груди Шихы при этом вырывался приглушённый звук, похожий на стон. Но через мгновение, теряя к ребенку всякий интерес, он поворачивался в сторону жены со словами:

– Опять девчонка, – процедив эту фразу, отец одаривал мою мать ядовитым взглядом, отчего та ещё сильнее бледнела.

– Шихы...

– Что – Шихы? Я тебя предупреждал? Говорил тебе, попробуй только родить мне девочку? Говорил или нет? – и мужчина, резко хватая жену за волосы, тут же награждал её солидным пинком по животу. И ещё на долгие минуты наш дом сотрясался от жалобного женского стоны и мольбы, плача испуганных детей вперемешку с бранью разъярённого мужчины.

Добрые полгородка, где проживала моя семья, соперничала стараниям Шихы завести желанного сына. Телефоны в родильном отделении местной больницы сотрясались от бесконечных звонков с последующими вопросами в те дни, когда Марзийя имела счастье (или несчастье) оказаться там:

– Родила ли жена Шихы? Ещё не родила? А почему?

Когда люди узнавали о том, что у Шихы на свет появилась ещё одна дочь, а не сын, то многие бросались увещевать его, чтобы он не наказывал свою жену за очередной «промах». Хотя без насмешек и шуток тоже не обходилось.

Но ни разговоры о том, что в подобных делах вина лежит в основном на мужчине, а не на женщине, ни рассказы о пророке Мухаммеде, имевшим лишь дочерей, не в силах были предотвратить побои, которыми награждалась моя бедная мать после каждого родов.

Родители Марзийи жили в том же городке. Одно время они потребовали было от Шихы прекратить побои и издевательства над их дочерью, но та ответила им вместо мужа:

– Не вмешивайтесь в дела моей семьи, – и они махнули на них рукой.

Сердобольные соседки тоже пытались заступиться за Марзийю и во время тех знаменитых колотушек, которые устраивал Шихы своей супруге, нередко вваливались в дом и буквально вырывали женщину из его рук. В оправдание Шихы можно сказать лишь то, что в рукоприкладстве по отношению к своей дражайшей половине он был замечен только в таких случаях, как рождение в их семье ещё одной дочери.

Шли годы. Дочери Шихы и Марзийи быстро подрастали. Когда отец возвращался с работы домой, они встречали на пороге: одна дочь несла ему чистое полотенце, чтобы он, помыв руки и лицо, утёрся им, вторая – домашнюю обувь; третья расставляла тарелки на столе и нарезала хлеб, а младшие крутились возле них и помогали. Но Шихы все ещё недовольничал и продолжал мечтать о сыне, который продолжил бы его род.

С дочерьми он обращался сухо, никогда их не ласкал, а был строг, и редко им приходилось видеть на его лице доброжелательную улыбку или услышать похвалу в свой адрес. Однажды Марзийя забеременела в очередной раз. Весть эта облетела маленький городок с молниеносной быстротой, хотя сама женщина всеми силами пыталась скрыть свою беременность от чужих глаз.

– На этот раз ты мне родишь сына, – сказал уверенно Шихы. – Семь – счастливое число! А с помощью Аллаха мои молитвы будут услышаны!

Марзийя вздохнула. Она не знала, что некоторые шутники даже заключили между собой пари на деньги после спора на тему, кого родит на этот раз мать шести дочерей. Прошло ещё несколько месяцев, которые пролетели для Шихы в трепетном ожидании. В те времена не было еще аппаратов, определявших пол не рождённого дитя, но Шихы чувствовал, что жена родит ему сына. Он частенько покупал домой мясо, любимые Марзийей фрукты и постоянно справлялся у жены, хочет ли она поесть чего-нибудь особенного? Немногословного, вечно чем-то недовольного мужчину словно подменили. Он обращался со своей женой непривычно ласково, а по вечерам они, бывало, часами мирно беседовали и смеялись, как в далёкой их молодости, когда они только-только поженились. Девочки сбились с ног, выполняя строгий отцовский наказ – не позволять матери поднимать тяжести и делать по дому и мало-мальски трудную работу.

– Противный выродок! – сердито шептались между собой дочери Шихы. – Ещё не родился, а уже нам столько хлопот причинил! А вообразите, что будет с нами, когда он родится!

И вот в один из чудесных апрельских дней Марзийя отправилась в роддом на такси, специально вызванном по этому случаю её мужем. А уже к вечеру она родила меня – седьмую по счёту девочку. За все годы своего замужества Марзийя боялась не побоев от мужа, не оскорблений в свой адрес, а того, что он свой гнев может вылить на их новорождённого ребёнка. Тем более что на этот раз Шихы не допускал и мысли о фиаско своей заветной мечты о наследнике.

– Шихы убьёт и меня и ребёнка. Он сейчас просто-напросто сходит с ума, – сказала она сама себе и с седьмым ребёнком на руках отправилась не к мужу, а в отчий дом, и пробыла у родителей целый месяц. Приняли её довольно прохладно, особенно негодовали невестки – жёны двух братьев Марзийи.

– Она здесь, а вскоре и весь её выводок за ней потянется, – шипели недовольно женщины и мужьям подмигивали грозно, мол, указывайте уже госте на дверь.

Родители помалкивали. Хотя им и было жаль дочь, но и перспектива содержать её с малым ребёнком на руках была не очень приятной. А если Шихы задумает вновь жениться и детей повыгонит из дома? Они придут туда, где живёт их мать, у которой нет ни гроша за душой, и им, старикам, придётся отдавать им всю свою пенсию и забыть о собственном покое вплоть до самой смерти.

– А помнишь, как я тебя умоляла позволить Марзийи поступить в институт или в техникум? А ты мне и слова не дал сказать тогда, поколотил! «Моя дочь никогда не будет учиться, пока я жив», – сказал ты! Устроилась бы она сейчас на хорошую работу, и самостоятельно зарабатывала бы себе на пропитание! – сердито вспыхивая, накидывалась с обвинениями на мужа мать Марзийи, тётушка Рамина.

Муж её только кряхтел в ответ и тянулся за своей курительной трубкой.

За всё время, что Марзийя оставалась у своих родителей, Шихы ни разу не навестил её, и не позвонил, и не справился о том, как она и не нуждается ли в чём. Иной раз старшая или средняя дочь тайком прибегали к ней на пару минут и умоляли её вернуться, но Марзийя боялась этого делать. Возможно, она надеялась, что Шихы сам её позовет или придёт за ней. Но этого не произошло. Старшие дочери отнеслись к своей новорождённой сестре очень холодно, и между собой дружно считали её виноватой во всех своих бедах и огорчениях. Ещё месяц назад они злились, что скоро у них появится братец, на которого их родители заставят прямо-таки молиться, что им было совсем не по вкусу и обидно. А теперь они сердились на маленькую девочку, из-за которой у них прибавилось хлопот по дому.

Несколько раз к Шихы заходили соседи замолвить словечко за Марзийю.

– Видно, такова твоя доля, дорогой Шихы, смирись. Не ругай жену. Она не виновата. Детей нам даёт Всевышний. Не пойдёшь же ты против его воли? Не ты первый и не ты последний. Сколько на свете людей, у которых нет детей? А у тебя прекрасные дочери, пусть им Аллах даст хорошую судьбу, – говорили они ему, а Шихы молчал. Только это молчание казалось ещё опаснее, чем его негодование и брань.

Однажды старший брат Марзийи довольно чётко намекнул ей, что им и без неё тесновато проживать в отцовском доме, где кроме него, его жены и двоих детей, а также отца с матерью, проживал и младший брат со своей молодой и беременной женой. Марзийя сделала вид, что не обиделась. Собрала свои вещички в сумку, тем более что их было совсем немного, взяла ребёнка, простилась с родными и отправилась к себе домой.

## Глава 2. Шихы

Шихы сидел во дворе под раскидистым тутовым деревом, за столом, покрытым дешёвой клеёнчатой скатертью, и курил. Марзийя как мышка прошмыгнула мимо него и, быстро поднявшись по деревянным ступеням на небольшую открытую веранду, примыкавшую к их дому, скрылась в глубине комнат. Шихы резким движением отбросил в сторону недокуренный окурок и тяжёлой поступью вошёл в дом.

Средняя дочь, тринадцатилетняя Гюльзар, стояла у двери в спальню и, не заходя в комнату, о чём-то еле слышно переговаривалась с матерью.

– Несчастье на нашу шею! Уж лучше бы она умерла, не родившись! – услышал Шихы сердитый шёпот девочки.

На её бледном личике с огромными чёрными глазами было написано недетское возмущение, когда она обернулась и увидела отца.

Нахмутив брови, Гюльзар тут же прекратила разговор и слегка посторонилась, уступая ему дорогу.

– Пошла вон! – сказал ей отец.

Девочка фыркнула, но покинула свой пост.

Марзийя стояла, устало прислонившись к стене около детской кроватки, которую Шихы два месяца назад купил для их будущего сына. Делая вид, что и не замечает присутствия жены, Шихы склонился над кроваткой. В это мгновение за ним внимательно наблюдали пара голубеньких как бусинки глазёнок. Именно внимательно, словно то было не новорожденное дитя, а, по крайней мере, годовалый и очень любопытный ребёнок.

– Ишь ты! – ворчливым тоном промолвил Шихы, обратив внимание на сей факт. Но не успел он сказать это, как ребёнок одарил его своей беззубой и очаровательной улыбкой.

Стояла летняя жара и девочка была не запелёнутой, а одетой в распашонку и штанишки. Перед взором Шихы предстало милое пухленькое создание с розовыми щёчками, крошечным алым ротиком, светлыми волосёнками и беленькой, как первый снег, кожей. Дочери Шихы все до одной были темноволосыми и черноглазыми, а эта словно из другого теста слепленной оказалась.

Грозно сдвинутые брови Шихы внезапно дрогнули и разгладились. Его взгляд потеплел, и он хмыкнул.

– Светленькая, и глаза голубые, ну вылитая покойная мать моя, – задумчивым тоном произнёс он, не отрывая глаз от младенца. – А кокеткой будет, да ещё какой. – И вдруг, метнув косой взгляд на изумлённо застывшую жену, он процедил: – Простудится ребёнок, это же дитя, а не взрослый человек, одеялом прикрой!

Вот так впервые появление в доме Шихы ещё одной новоиспечённой дочери прошло на удивление мирно. Этим самым ребёнком, как я уже говорила ранее, была я. Хотя... хотя лучше бы я не рождалась на этот свет! Шихы назвал меня в честь своей покойной матери Ситарой. До этого времени ни одна из остальных его шести дочерей не устаивалась такой неслыханной чести. Теперь Шихы, приходя домой, не хмурил как раньше свои густые брови. Ведь дома его ждала маленькая и любимая проказница, невозможно капризная, но очаровательная, как цветочек.

– Эта девчонка заставила меня осознать, что отцовское счастье не зависит от того, дочь имеешь или сына! – поговаривал он иногда со смущённой улыбкой.

Мне позволялось всё: я могла и шалить, и смеяться в присутствии отца, тогда как остальным дочерям никогда подобная вольность не разрешалась в этом доме. И поэтому некоторым из моих сестёр такое положение дел совсем не нравилось. Особенно шестой дочери Шихы –

Ираде. Ей было восемь лет. И она тоже жаждала отцовской любви. Но тщетно. Отец по вечерам любил сажать к себе на колени только малышку Ситару, и лишь ей позволял теревить свои длинные смешные усы. Я звонко смеялась, хлопая в ладоши, когда отец в очередной раз покупал мне новое платьице или игрушку, а Ираде и десятилетней сестре Саре оставалось лишь молча завидовать. Отец не обращал на них особого внимания, разве что приказывал им принести ему чаю.

Так прошло-пролетело несколько лет. Старшие мои сёстры вышли замуж одна за другой. Шихы соглашался на любую работу, даже самую тяжёлую, чтобы справиться быстро подраставшим, как грибы, дочерям достойное приданое. Хоть и был немногословным, неласковым отцом, но заботился о нас, как считал нужным. Днём на стройке подрабатывал, ночью – сторожем в школе, а весной и летом ухаживал за садом вместе с Марзией, чтобы потом продавать фрукты на местном базаре. Однажды вернулся он со смены, выпил чаю, отказался от еды, пожаловавшись на боль в пояснице, и сказал жене, что приляжет ненадолго.

– Разбуди меня в пять вечера, – попросил он её, и улётся на кровать, накрывшись с головой старым пледом.

Когда пробило пять часов, жена вошла в комнату, чтобы его разбудить. Окликнула несколько раз по имени, но муж даже не пошевелился в ответ. Марзия снова позвала:

– Шихы? – и положила ему руку на плечо. В ту же секунду дом огласился её дикими воплями. – Нет! Не может быть! Шихы! Очнись! Открой глаза! Почему ты молчишь?! Скажи хотя бы слово! Не молчи!

Испуганные дети Марзии немедленно позвали соседей. Женщину с огромным трудом удалось оттащить от уже похолодевшего мёртвого тела Шихы. Так Марзия осталась вдовой с тремя детьми на руках. После смерти мужа ей пришлось очень туго растить детей без отца. Перебивались, как умели. Марзия работала то подёнщицей на хлопковом поле, то уборщицей в местной конторе, и бралась за любую посильную для себя работу, чтобы её дети не ходили голодными и раздетыми. На большее у неё сил не хватало. Так, на жиденьком супе и обносках старших сестёр выросли последние три дочери Марзии и покойного Шихы. Те из дочерей вдовы, что уже успели обзавестись собственной семьёй, были заняты своими детьми и заботами. Но когда к очередной сестре заявили сваты, замужние дочери Марзии не преминули внести свою лепту в заготовку приданого для неё. Если бы не они, то Марзия едва ли смогла достойно проводить пятую дочь в дом её мужа. Только об одном она жалела, когда дочери вместе с мужьями и её внуками приезжали в гости, и дом наполнялся радостными голосами и смехом – что Шихы не удалось пожить подольше.

## Глава 3. Ирада

Мне, предпоследней дочери вдовы Марзийи, Ираде, недавно исполнилось двадцать пять лет. По неписаным законам маленького провинциального города я уже считалась без пяти минут «старой девой». Всё же я была довольно привлекательной особой: высокой, статной, смуглой и темноглазой. Но стоило нам с Ситарой пойти вместе куда-нибудь, как взгляды и всеобщее внимание обращались на мою младшую сестру, а не на меня. Семнадцатилетняя Ситара, в отличие от меня, была невысокой, хрупкой и синеглазой, с прямыми русыми волосами, достигшими её плеч. Обычная девчонка. Но стоило ей улыбнуться, заговорить, бросить взгляд, и словно колдовство начинало действовать, – столько в ней было неуловимого, но притягательного очарования. Признаюсь, что этот факт приводил меня в бешенство, и мне казалось, что Ситара, её улыбка отнимает у меня нечто важное, что должно принадлежать мне, а не ей.

Мне часто приходилось отказываться от совместных с ней прогулок.

– Мама, эта противная девчонка ведет себя легкомысленно! – возмущённо жаловалась я. – Мне стыдно за неё!

– Да я ничего не делаю, даже по сторонам не смотрю! – оправдывалась в ответ Ситара, но мать становилась на мою сторону и ругала девушку, поучая её уму-разуму.

– По дороге надо идти с опущенной головой, и не смотреть куда попало и на кого попало!

– А куда же мне смотреть? – обиженно вспыхивала Ситара.

– Себе под ноги! – хором отвечали ей мы с матерью.

В последние месяцы я хожу сама не своя. После нескольких лет отсутствия в родительский дом возвратился мой бывший одноклассник Малик. Отслужив в армии, он долгое время мотался по необъятным просторам великой советской Родины. Но, к счастью для его родителей, им удалось вернуть блудное дитя в отчий дом. Али муаллим, отец Малика, занимал должность бухгалтера в галантерейном магазине, а мать работала медсестрой в родильном отделении местной больницы. Жили они по соседству с вдовой Марзийей в большом двухэтажном доме с подвалом, бассейном и благоустроенным садом.

Малик был старшим из двух сыновей Али муаллима. С тех пор, как я себя помнила, с самого детства я была по уши влюблена в Малика. А он и не подозревал о моих чувствах к нему. Но и вероятность того, что, узнав, он ответил бы мне взаимностью, была мала – юноша никогда не обращал на меня особого внимания. Но я не теряла надежд и свято верила, что в один прекрасный день он посмотрит на меня другими глазами и подарит мне своё сердце.

Порядочной провинциальной девушке нежелательно часто показываться на улице и в общественных местах родного городка без особой на то причины. Окружающие ведь могут в этом случае подумать о ней что-нибудь нехорошее, неприличное, счесть легкомысленной. Чтобы получить возможность каждый день заходить в галантерейный магазин, где работал продавцом Малик, мне приходилось измышлять тысячи уловок. На какие только хитрости мне не приходилось идти! То с жаром описывала подруге красивое платье, которое я будто бы видела в магазине у Малика, хотя на самом деле там продавали лишь духи, расчёски, брошки да ленты с пуговицами.

Или кланчила у матери деньги на новые духи, или предлагала соседке помощь в покупке набора удивительно прочных ниток.

– Ты такая добрая и хорошая, тётушка Мина, я тебя обожаю! Разве я могу позволить, чтобы ты с твоими-то большими ногами отправилась в этот богом забытый магазинчик? Сама пойду, а ты посиди здесь под деревом и чайку попей. Только что заварила я. И лимона добавлю, как ты любишь.

Тётя Мина благодарно кряхтела в ответ, широко улыбалась и проникновенным тоном говорила Марзийе:

– Хорошая у тебя дочь, ласковая и добрая. Дай бог ей красивого и работающего мужа.

Марзийя в ответ улыбалась, но провожала меня внимательным и цепким взглядом, в котором наблюдательный человек смог бы разглядеть тень явного недовольства, дававшего понять, что она отлично понимала истинную причину моего столь ревностного усердия.

В одно чудесное весеннее утро, а было это в день рождения Ситары, когда ей исполнилось семнадцать лет, мать испекла огромный торт и приготовила отличный, ароматный плов. Приехали в гости даже мои старшие сёстры вместе с мужьями и детьми, и подруги Ситары и Ирады. День прошёл весело, а под вечер кто-то из девушек заикнулся о прогулке по городку. Гулять, в основном, было негде. В единственном парке этого городка целыми днями сидели пенсионеры. Там же находился чайный дом, служивший излюбленным местом для местных мужчин, где они с удовольствием выпивали чай и играли в домино или в нарды, а также делились новостями и даже сплетничали. Одним словом, порядочным девушкам в ту сторону ходить было нежелательно.

– А вы уже были в том магазине, где работает мой бывший одноклассник Малик? – зянула я с невинным видом свою обычную песню.

Решили прогуляться. И то развлечение. На всех девушках в этот день были новые наряды. Почему и не показать себя во всей красе честному народу? Скрепя сердце, мне пришлось взять с собой не только Ситару, но и маленьких племянников, увязавшихся за нами с радостными кликами. Смакуя каждое мгновение прогулки, мы прошли мимо парка с деланным равнодушием на лицах (хотя нам доставило огромное удовольствие видеть, как на нас с восхищением пялятся молодые парни), и неспешным темпом направились к своей цели – небольшому галантерейному магазину на углу соседней улицы. Уже было почти шесть часов вечера. Малик собирался запереть магазин и отправиться домой. Он задержался лишь для того, чтобы немного поболтать с навестившим его приятелем. Они почти одновременно заметили небольшую группу молодых девушек, приближавшихся в сторону магазина. Приятель Малика довольно усмехался и, вытянувшись в полный рост, аж подбоченился, а Малик смотрел на нас так внимательно, словно видел впервые. И вдруг взволнованным тоном сказал:

– Кто эта девушка?

– Кого именно ты имеешь в виду? Их там много, – удивлённо пожав плечами, ответил ему приятель.

– Вон та! – ответил Малик. – Самая красивая.

Приятель хотел что-то переспросить, но не успел. Нас было четверо, не считая нескольких детей. Мы зашли в магазин. Малик поспешил вслед за ними.

– Добро пожаловать, что желаете купить? – голос его дрогнул.

– Здравствуй, Малик, – поприветствовала его я неестественным тоненьким голоском.

Ярко алая помада на моих пухлых губах призывно горела кокетливой улыбкой, а глаза словно пытались что-то ему сказать: тревожно и нежно глядела я на него. Малик в ответ мне машинально улыбнулся. Поспешно выкладывая товары на прилавок, он без остановки что-то говорил, и объяснял, и шутил, вызывая смех у своих юных покупательниц.

– Взгляните на эти духи. Аромат необыкновенный. А вот крем для рук, не желаете посмотреть? Не торопитесь. Смотрите сколько захотите! – повторял он с улыбкой, но никто, кроме меня, не замечал, что руки у него тряслись от волнения.

– Ситара, я тебе ещё ничего не успела подарить. Можешь выбрать себе духи, – милостивым тоном проговорила я, вместе с тем бросая на Малика ещё один долгий и страстный взгляд.

– А можно я заколку для волос возьму вместо духов?

– Да, – проворковала я.

– У твоей подруги сегодня день рождения? – неожиданно спросил меня Малик.

Я нервно хихикнула. То ли от радости, что он соизволил заговорить со мной, то ли от напряжения.

– Что?.. Ах, нет! Это моя младшая сестра!

– Надо же! Вы совершенно не похожи друг на друга! – Малик не сводил глаз от Ситары.

– Да? Все так говорят. Она похожа на мою покойную бабушку. Та тоже была такой же рыжей.

– Она не рыжая, – мягко поправил меня Малик. – У неё русые волосы. Это разные вещи.

Я опустила глаза и замолчала. Меня охватило сильное раздражение, но я продолжала улыбаться. Малик в это время скрылся на несколько минут в смежной с магазином комнатке, служившей, видимо, складом для товаров, и вернулся оттуда с маленькой коробочкой в руках.

– Позволь мне подарить тебе вот эти духи, – с улыбкой протягивая коробочку Ситаре, сказал он, – мы всё-таки близкие соседи, а у тебя сегодня день рождения. Возьми, не стесняйся!

Ситара растерянно покачала головой и хотела что-то сказать, но я опередила её. Не выдержала.

– Нет, Малик! – хмуро буркнула я. – Мы не можем принять его. Нельзя! Ситара! Девчонки! Нам пора домой! Сейчас же!

– Они недорогие, если ты об этом, – Малик изо всех сил пытался исправить неловкую ситуацию, но его тон показался мне слишком умоляющим. Этот факт разозлил меня ещё больше. Грубо схватив младшую сестру за руку, я чуть ли не силой вытолкала её из магазина. Малик смотрел нам вслед, пока мы не скрылись из виду.

Поздно вечером, когда дом вдовы Марзийи погрузился в глубокий сон, я грубыми толчками в бок разбудила Ситару.

– Слушай меня внимательно! Малик мой, поняла ты меня?! – прошипела я яростно.

– Твой так твой, а мне-то что до этого? – прохныкала Ситара и мгновенно погрузилась в сон, оставив меня один на один со своими подозрениями.

## Глава 4. Малик

Стоя у вишнёвого куста в своём саду, я наблюдал за Ситарой, поливавшей в это время огуречные грядки из резинового шланга. Любовался каждым её движением, будь то лёгкий взмах головой, когда девушка пыталась с забавной гримасой на лице откинуть шаловливую чёлку со лба, или когда она нечаянно наступала на огуречную плеть и, закусив губу, опасливо оглядывалась по сторонам, готовая услышать недовольный материнский окрик:

– Наступила на плеть? Теперь огурцы будут горькими! Неумеха!

Но моё любование Ситарой оказалось недолгим. Не прошло и пары минут, как вдруг, откуда ни возьмись, появилась Ирада.

– Я сама полью грядки! А ты иди и помой посуду! Или приберись дома! – сказала она ей. Ситара захорохорила было, но Ирада, прикрикнув на сестру, заставила её подчиниться.

Что меня удивляло в Ираде больше всего, так это то, что она находила меня одним взглядом, где бы я на тот момент ни прятался, наблюдая за ними. В душе я даже считал её немного ведьмой. Вот и на этот раз ей стоило лишь обернуться, и миг застала меня врасплох: пронзительный взгляд старшей сестры Ситары обнаружил моё укрытие в считанные секунды. С большой неохотой мне пришлось ретироваться.

Время то шло, тянулось, то летело, но одно оставалось неизменным: мои сны. В них ко мне приходила Ситара, и я проводил с ней поистине волшебные мгновения. Но так как мои желания разительно отличались от того, что происходило в действительности, ночи стали для меня кошмаром, зачастую сопровождаемые бессонницей, а дни проходили в необоснованной озлобленности на весь мир и на родных в том числе.

И не понятно, сколько это ещё могло продолжаться, пока однажды я не услышал, как моя мать пожаловалась отцу:

– Мальчишка всякий покой потерял с тех пор, как влюбился в дочь Марзийи. Слова ему сказать нельзя – волком рычит. Вот только одно и знает, как им во двор тайком заглядывать. Девчонка этим летом школу закончила. Сестра постарше тоже пока не замужем. Она с Маликом в одном классе училась. Но вот, понравилась ему Ситара, а не она. Что делать-то будем, а?

Я напряжённо замер, прислушиваясь к доносившимся до него голосам родителей.

– Марзийя женщина трудолюбивая и нравом спокойная. И дочерей она воспитала хорошо. Я не против, жена. Пусть люди узнают, что Али муаллим человек широкой души, раз позволил сыну жениться на сироте, – проговорил отец после непродолжительного молчания.

Мать помолчала, словно раздумывая над чем-то, а потом сказала:

– С Марзийей у меня всегда были хорошие отношения. Хотя мы могли бы выбрать в жёны нашему сыну любую девушку из семьи с достатком, со связями. Но зачем нам это? Я не корыстна, да и помощница мне по дому нужна, а не ленивая и капризная принцесса на горошине, каковыми являются эти невесты из богатых домов. И раз нашему сыну нравится Ситара, то её и сосватаем.

Услышав последнюю фразу матери, я радостно заулыбался. Сердце моё тут же наполнилось горячей благодарностью к своим понятливым родителям, да так, что мне захотелось выйти из своего укрытия и расцеловать их обоих. Но я постеснялся и сдержал свой порыв. Прекрасно! Теперь всем моим переживаниям пришёл конец!

Но я не знал, что на одной из соседних улиц нашего городка проживал один юноша, не на шутку влюблённый в мою Ситару. Дом, где он жил вместе с матерью, располагался неподалёку от школы, в которой училась девочка. Дом со стороны казался крошечным, и подруги Ситары однажды, шутя и смеясь, сравнили его со сказочным жилищем волшебных гномов.

Весной и летом он буквально утопал в окружении высоких и густых зарослей душистых роз и кудрявых ив.

Потом рассказывали, что Ситаре нравился этот дом, нравилось любоваться его высокой острой крышей, сложенной из потерявших свой былой цвет черепиц, круглым окошком на увитом розами чердаке и садиком. Этот домик напоминал девушке одну картинку из особенно любимой ею в детстве книжки со сказками. Но не было почти такого утра, чтобы юноша, живший в этом домике, не стоял у калитки и не ждал там Ситару, когда она шла в школу. Он неотрывно смотрел на неё: жадно, восхищённо. Говорили, что Ситаре его внимание было мало-приятным. Тем более что и внешностью был неказист: шуплый, невысокий, смуглый. Старые и потёртые штаны, бесцветная футболка летом и тёмный свитер зимой составляли, кажется, весь гардероб Зафара. Так звали этого юношу. Подруги подтрунивали над Ситарой:

– Его зовут Зафар, что означает «победа». Будь осторожна, Ситара, человек с таким именем не отступает и не сдаётся!

Ситара в ответ им беспечно отшучивалась. Но чем дальше, тем ситуация становилась сквернее. Юноша уже не ограничивался взглядами, а осыпал Ситару комплиментами и бросал ей вслед громкие признания, не стыдясь прохожих и подруг девушки, чем вызывал ещё больший смех у них. Но Ситаре было совсем не смешно. Она решила идти в школу обходными путями. Только таким образом девушке на некоторое время удалось избавиться от неприятных ухаживаний своего назойливого обожателя...

Через неделю после разговора с мужем моя мать вместе с несколькими нашими родственницами пришла в дом вдовы Марзийи. Но когда та узнала о намерениях соседки, то не очень-то и обрадовалась их приходу.

– У Ситары есть старшая сестра, и она ещё не замужем, – выдавила из себя Марзийя, выслушав гостей.

– Ах, соседка, забудь о старых обычаях, сейчас уже не те времена! – воскликнула в ответ моя мать. – Пусть твоей старшей дочери Ираде Аллах даст прекрасную судьбу, хорошего мужа, но сама посуды... раньше-то как было? Младшим сёстрам приходилось годами подчас ждать, пока старшие сёстры выйдут замуж. А бывало и так, что и старшие, и младшие так и оставались в девках. Твоей Ситаре выпала счастливая доля. Не терзай свою душу сомнениями. Всевышний всё видит. Судьба каждого человека predetermined заранее. Почему мы сегодня пришли в твой дом? Потому что так захотел Аллах! Не гневи его, милая Марзийя, а радуйся, что птица счастья села на плечи твоей дочери!

Ну как могла признаться Марзийя непрошеным гостям в том, что её старшая дочь по уши влюблена в парня, который вздумал посвататься не к ней, а к её младшей сестре? Я уверен, что её материнское сердце раздиралось на части от переживаний, и все её мысли были возле Ирады. О Аллах, спаси мою девочку, не дай ей совершить глупостей! Она, наверное, сейчас с ума сходит от тоски!

Когда моя мать во главе других женщин вошла в дом Марзийи, Ирада их встретила на пороге и от неожиданности аж попятилась. А в следующее мгновение её смуглые щеки окрасил яркий румянец. Она посмотрела на мать таким непередаваемым словами, ликующим, счастливым взглядом, что всегда сдержанная Марзийя улыбнулась ей в ответ и заговорщически кивнула. Мол, знаю, и радуюсь вместе с тобой.

Ирада спряталась на кухне, и из-за полуоткрытой двери начала с жадным вниманием подслушивать всё, о чём разговаривали гости. Когда моя мать произнесла имя «Ситара» и попросила Марзийю выдать её младшую дочь за своего сына, Ирада словно окаменела. Ни слова не говоря, она, побледнев, как полотно, прошла через гостиную, где сидели гости, и покинула дом. Её уход обеспокоил Марзийю ещё больше, чем если бы Ирада устроила скандал и выгнала

сватов из дома. Она сидела как на иголках. Ситара принесла гостям чаю. Но вместо того, чтобы с улыбкой принимать комплименты, произнесённые гостями в адрес её юной дочери, Марзийя сердито ущипнула дочь чуть выше локтя, и прошипела:

– Иди и найди сестру, чёртова девчонка! Не спускай с неё глаз, пока я не приду!

Ситара пулей вылетела вон из комнаты.

Моя мать Аида первая почувствовала неладное. Всегда гостеприимная Марзийя выглядела недовольной, отвечала на вопросы коротко и нехотя, и всем своим видом выказывала, что чем-то крайне обеспокоена.

Естественно, что Аиде не понравилось поведение Марзийи и её холодность и безразличие, с которой та отнеслась к предложению Аиды о возможном браке Малика с Ситарой. Да она от радости на седьмое небо взлететь должна при одной только мысли, что я пришла в её дом просить руки её дочери! А ведёт себя так, будто на день десятки сватов отваживает от ворот своей хижины! – возмущившись, подумала женщина, но вслух сказала спокойным, мирным тоном:

– Марзийя, вижу, ты растерялась и не знаешь, как поступить, какое принять решение в этом важном для наших семей деле. Думаю, тебе нужно хорошенько всё обдумать, взвесить все «за» и «против». Я и не собиралась прямо сейчас и сию минуту поженить наших детей. Спешить – только людей смешить. Ну что ж, буду ждать от тебя приятных вестей. Нам пора. Засиделись тут, – с постной улыбкой и недобрый взглядом закончив свою речь, Аида вместе с родственницами покинула дом вдовы Марзийи.

Не успели незваные гости удалиться, как Марзийя бросилась искать свою старшую дочь. Нашла она её в саду, лежащей на траве. Рядом с ней на корточках сидела Ситара и судорожно всхлипывала. Увидев мать, она вскочила и затараторила гневным и обиженным тоном, тыча пальцем в сторону Ирады:

– Она вела себя как сумасшедшая! Каталась по земле, царапая себе щеки, выла и стонала, а когда я попыталась её остановить, она набросилась на меня с криком: «Я тебя ненавижу! Я убью тебя!» и начала меня бить! А потом легла и затихла.

Марзийя наклонилась над Ирадой и, погладив её по голове, что-то зашептала девушке на ухо. Ситара удручённо вздохнула. Побили-то её, а жалеют противную Ираду! И почему жизнь такая несправедливая?

Видимо, уговоры матери возымели своё действие на Ираду. Через несколько минут еле слышных переговоров она встала и пошла вместе с матерью по направлению к дому. Ситаре ничего не оставалось, как поплестись вслед за ними.

– Мама, а зачем к нам приходили те женщины, а? – спросила она.

– Много будешь знать – скоро состаришься! – ответила, не оборачиваясь, мать, но Ираду словно иглой укололи.

– Вы только посмотрите на неё! – взвизгнула она, бросая на Ситару ядовитый взгляд. – Делает вид, что ничего не понимает! Ангела из себя строишь? Жениха из-под носа сестры увести вздумала, да ещё и поиздеваться решила?!

– Какого ещё жениха?! – заикаясь, переспросила Ситара. – Ирада, ты с ума сошла?!

В следующие три минуты Ситара открыла для себя многое. Она узнала, ради кого пришли те женщины в их дом, а также поняла, насколько сильно ненавидит её сестра. По крайней мере, об этом говорили её взгляды, злобное выражение на лице, жестокие слова, которыми она осыпала Ситару, обвиняя девушку во всех своих неудачах.

## Глава 5. Ситара

Ночью, зарывшись лицом в подушку и обильно смочив её слезами, я мысленно поклялась себе, что никогда не выйду замуж. По крайней мере, за Малика. Пусть он нравится мне... очень, очень сильно нравится, но... мама сказала, что Ирада страдает, она любит Малика так, что может наложить на себя руки, если... если она, Ситара, согласится выйти за него замуж. Ах, Малик! Он даже не удосужился открыть мне своё сердце, прежде чем послать сватов! Как будто бы я какая-то вещь, а не человек, и меня можно взять, не спросив на то разрешения! Но кроме вполне понятной обиды на Малика, меня одолевала жалость к Ираде и пронизывающее чувство вины. Если бы не я, то Малик полюбил бы Ираду и женился бы на ней. Бедная сестрица!

Все последующие дни Ирада без конца терроризировала меня упрёками и подозрениями, и доводила до слёз своей грубостью. Мать пыталась образумить Ираду, но та настаивала на своём, утверждая, что я нарочно строила глазки Малику, и давала ему повод при каждом удобном случае увиваться за ней. Ирада во всех мельчайших подробностях припоминала нашу встречу с Маликом в магазине, но настолько искажала смысл слов, произнесённых им и мной, что очень скоро я и сама начала верить в то, что вела себя по-свински, и разлучила сестру с её возлюбленным, разрушив их нежные отношения.

Даже сдав последние школьные экзамены и получив аттестат, я не смогла вздохнуть полной грудью и радоваться жизни и новым перспективам.

– Нет, дочка, поступать в институт ты не будешь. Во-первых, у меня нет денег на твоё образование. Откуда мне взять деньги на съёмную квартиру, продукты, одежду и всё остальное, чтобы ты смогла проучиться? Сами еле-еле перебиваемся. Времена нынче плохие, людям доверять нельзя. Целая страна разрушена, всюду безработица. Вон, учительницу твою бывшую на базаре видела я. Лоток открыла и зелень продаёт. Кому нужно твоё образование?! Лично мне не нужно! Во-вторых, женщине учиться не обязательно. Тебя будет кормить твой муж, когда создашь семью. А до тех пор сиди и не задавай мне больше глупых вопросов! Учиться она хочет, видите ли! Иди лучше научись готовить нормально.

Мать ворчала и, кажется, не собиралась затихать. Я плакала и думала, что лучше бы я умерла при рождении. И с завистью вспомнила своих подружек. Многие из них собирались вскоре поступать в техникумы и в вузы, и спешно собирали нужные для поступления документы. Моё сердце сжалось от горечи и обиды. А тут опять Ирада со своими колкостями:

– Да, мама, Ситара хоть сейчас готова выскочить замуж! А болтовня про институт и прочее, это всего лишь отговорки нашей хитрой лисицы, – процедила она сквозь зубы.

Меня передёрнуло от звука и тона её голоса. Он был напоен ядом и ненавистью.

– Хватит. Отстань от меня. Мне и так плохо, а тут ещё ты...

– Замолчи! – в один голос крикнула и мама, и Ирада.

– Ты ещё мала, чтобы грубить взрослым! – процедила сквозь зубы Ирада. Она посмотрела на меня таким взглядом, что я, от злости сама не понимая, что делаю, схватила яблоко, лежавшее в вазе на столе, и без всякого сожаления запустила им в старшую сестру, а сидели мы во дворе. Яблоко попало ей прямо в глаз. Дико вскрикнув, Ирада схватилась за лицо:

– У меня вытек глаз! Мама, я ослепла! Ослепла! – она повалилась со стула на землю.

В то же мгновение я опомнилась, и охваченная раскаянием, бросилась было ей на помощь, но мать, наградив меня хлёткой пощёчиной, оттолкнула в сторону со словами:

– Убирайся вон, мерзавка! С глаз долой моих!

Перед глазами у меня всё помутилось от злости и обиды. Как была, босая, в домашнем платье, я выбежала из дверей родного дома. В эти секунды я желала одного: очутиться как можно дальше от не понимающей меня матери и вредной сестры, или ещё лучше того – умереть, исчезнуть навсегда. И я бежала, бежала... Очнулась я, лишь когда кто-то цепко схватил меня за руку:

– Что с тобой? Тебе плохо? Почему ты плачешь? – услышала я словно из тумана чей-то встревоженный голос.

– Отпусти! – закричала я и, подняв голову, посмотрела сквозь пелену слёз на человека, посмеявшегося остановить меня.

Передо мной стоял Зафар.

– Нет, – сказал он твёрдо, не отпуску. Ты выглядишь ужасно. Ты босая, ты плачешь. Вот тебе мой совет: посиди у нас, успокойся. А потом пойдёшь домой.

– Не нужны мне твои советы! И пусть тебя не волнуют мои дела и проблемы! Это тебя не касается, – я ударила его кулачком по груди, и юноша отпрянул. Но вдруг совсем рядом с нами послышались чьи-то громкие голоса.

Я оглянулась и увидела нескольких женщин, направлявшихся в нашу сторону. Моё сердце испуганно ёкнуло. Да это же наши соседки! Какой ужас! Они непременно заметят меня в этом старом перештопанном халате, босой, и беседующей с каким-то парнем! Картина маслом! Мама убьёт меня!

– Пойдём, – взволнованно зашептал мне Зафар, – спрячешься у меня дома, пока они не пройдут мимо.

Уже в следующую секунду я стояла во дворе сказочного домика.

Группа женщин уже вплотную приблизилась к невысоким, с облупленной краской воротам. Кто-то из них ласковым тоном приглашал всех пройти в дом и выпить чаю.

– Это моя мать! Чёрт, они нас сейчас увидят! – слова Зафара прозвучали как приговор.

Медлить было нельзя. Вконец потеряв голову, я помчалась вслед за ним, и, забежав в какую-то небольшую комнатку, собственноручно захлопнула дверь на задвижку. А в это время неожиданные гости уже о чём-то оживлённо судачили во дворе.

Припав ухом к замочной скважине, я пыталась подслушать, о чём они говорят. Меня сильно беспокоила мысль, заметили меня или нет. Но по обрывкам доносившихся до меня голосов я поняла, что женщины говорят на какие-то общие, интересующие их темы. Это меня немного успокоило. Я почувствовала чьё-то учащённое дыхание у себя за плечами. О! На какой-то миг я позабыла о Зафаре. Недовольно поморщившись, я всё же решила потерпеть его присутствие, пока опасность в лице местных сплетниц не минует меня окончательно, и пост свой у двери решила не оставлять. Но в душе я устыдилась той ситуации, в которой оказалась по собственной глупости.

– Сознайся, а ведь я тебе нравлюсь, – неожиданно проговорил Зафар с возбуждённым придыханием.

– Что? – искренне удивилась я и, отстранившись от замочной скважины, повернулась лицом к юноше, почти вплотную приблизившегося ко мне.

– А то, что я тебе нравлюсь, – ухмыльнувшись, повторил Зафар и ласково провёл ладонью по моим щёкам. Вот нахал! А он продолжил: – И всегда нравился. Просто ты немного капризная, любишь, чтобы за тобой побегали. Но раз ты здесь, то всё становится ясным, как день. Ты моя, и больше ничья.

Я, онемев от удивления, смотрела на него, и в это мгновение наверное походила на беспомощного птенца, выпавшего из гнезда и оказавшегося перед диким зверем. Я протянула было руку к дверной ручке, намереваясь выйти, но Зафар не позволил мне этого сделать. Он

крепко ухватил меня одной рукой за талию, а другой зажав мне рот, подтащил меня к широкой железной кровати и повалил на неё. Между нами завязалась отчаянная борьба, во время которой Зафар не переставая шептал:

– Не кричи, а то услышат! Они придут и увидят тебя здесь! На кровати вместе со мной! Ты только представь себе, какие про тебя пойдут слухи! – и я, отлично понимая, что только помощь посторонних людей может выволить меня из той ужасной ситуации, в которой находилась, не закричала, не позвала на помощь. Я изо всех сил пыталась столкнуть с себя навалившегося на меня всем телом Зафара, в ужасе сознавая, что теряю последние силы, но не проронила ни звука...

После того как он изнасиловал меня, он встал, отдышался и сказал:

– Не думай, что я плохой человек. Вот уже год, как я в тебя влюблён без оглядки. А ты даже и не смотрела в мою сторону. Но теперь у тебя нет другого выбора, как выйти за меня замуж. Вернёшься домой, – опозоришь себя и всю свою семью. Но ты не беспокойся – со мной ты будешь сытой и счастливой, – великодушно пообещал он живому комочку, беспомощно сжавшемуся в углу кровати и пытавшемуся руками прикрыть свою наготу.

Вскоре в дом, выпроводив гостей, вошла мать Зафара. Её звали Фирузой. Это была женщина лет пятидесяти: невысокого роста, но плотного телосложения, с выпуклыми карими глазами на одутловатом, болезненно-жёлтом лице. Фируза не удивилась присутствию в своём доме незнакомой девушки, хотя её тонкие, брезгливо изогнутые губы растянулись в загадочной улыбке. Не удивилась она и тому, что я была голой и плакала, а моя разорванная в клочья одежда валялась на полу. Ни мои жалобы, ни мои обвинения тоже не произвели на Фирузу особого впечатления. Она цепким взглядом осмотрела меня с ног до головы и, без всякого стеснения, сказала сыну, стоявшему рядом с ней, гордо подбоченившись:

– Да, хороша девка, ничего не скажешь. Но, смотри у меня, Зафар, не давай ей спуску, не превращайся в подкаблучника. Держи её в ежовых рукавицах, и чтобы ходила у меня по ниточке. Пусть не забывает, кто здесь хозяйка, – она наклонилась и поцеловала меня, оцепеневшую от её слов, в макушку.

– Пусть Бог оградит вас обоих от всяких невзгод! Отныне ты моя невестка и член нашей семьи. Не забывай об этом и благодари Всевышнего, что тебе попалась такая хорошая свекровь как я. Не перечь мне никогда, слушайся меня во всём, и всё у нас будет прекрасно!

Зафар ухмыльнулся, обнажив ряд неровных, с желтизной, но крепких зубов.

– Не беспокойся, мама. Ситара девушка благоразумная. Она не будет с тобой пререкаться, иначе я её накажу.

– Ну, иди, иди отсюда! Мне надо приодеть мою невестку до прихода её матери, – добродушным тоном прикрикнула на него мать и шутиливо хлопнула его по плечу, – эх ты, дурак, позволил себя оцарапать. У тебя вся щека в крови!

– Она настоящая кошка!

Я смотрела на них с выражением дикого ужаса на лице. Боже! Что это? Страшный сон? Или я уже умерла и попала в ад?

Всё с той же загадочной улыбкой сфинкса мать Зафара протянула мне какую-то одежду и произнесла странную фразу:

– Специально заказала для такого случая у одной знакомой спекулянтки.

Это была длинная до пят синяя юбка и шелковая ярко-желтая рубашка. При других обстоятельствах я ни за что не согласилась бы и примерить на себя эти вещи, но сейчас не из чего было выбирать. Я постаралась одеться достаточно быстро, а мать Зафара стояла и беззастенчиво пялилась на меня. Одевшись, я еле слышно пролепетала:

– Я пойду домой.

Я стояла перед матерью Зафара с опущенной головой, и меня всю трясло.

– Нет. Ты никуда не пойдёшь. Подождём прихода твоей матери, – ответила мне Фируза и велела пройти в смежную комнату, такую же крохотную, как и спальня, и, видимо, служившую хозяевам чем-то вроде гостиной.

Всё моё тело ныло, но я терпела и молила бога лишь об одном – о спасении. Теперь, будучи одетой, я почувствовала себя более уверенной. Оказавшись в гостиной, я молниеносным рывком бросилась в коридор, к входной двери. Она оказалась запертой. Мать и сын, с нескрываемым любопытством наблюдавшие за мной, переглянулись между собой. Зафар смущённо потупил взор.

– Куда это ты собралась, красавица моя? – поинтересовалась женщина.

Я закусила нижнюю губу, чтобы удержать рыдания, но слёзы предательски капали у меня из глаз.

– Домой, – не поворачиваясь, сдавленным, хриплым голосом ответила я.

Мать Зафара иронично хмыкнула и процедила сквозь зубы:

– Из этого дома ты отныне выйдешь только ногами вперёд. Я имею в виду, когда Азраиль приберёт твою душу. А до этих пор я ещё успею понянчить своих внучат, которых ты мне родишь. Зафар, посторожи эту дурочку, пока я буду звонить и беседовать с её матерью.

– Моя мама накажет вас! – выкрикнула я сквозь рыдания. – Она посадит вас в тюрьму!

– Не посадит! – уверенным тоном ответила мать Зафара, а её сын, смерив девушку неодобрительным взглядом, выразительно покрутил пальцем у своего виска.

– Тебя, милочка, силой к нам домой никто не тащил, – раздражённо всплеснув руками, затараторила мать Зафара. – Помнишь тех женщин, увидев которых, ты забежала в мой двор? Как только я тебя заметила, то сразу сказала им: – Это дочь Марзийи. Она встречается с моим сыном, и скоро они поженятся! – женщина намеренно повысила тон своего голоса, и в нем зазвенели властные нотки. – Бабы, – продолжила она, – дружно порадовались за меня. Так как же ты смеешь после всего, что видела я и остальные женщины, клеветать на Зафара? Пришла к нам по собственной воле, соблазнила моего сына, а теперь угрожать мне вздумала?! Можешь идти, всё равно тебе никто не поверит. Но ты ещё приползёшь обратно, и будешь умолять нас принять тебя, но запомни: уйдёшь сейчас, назад не приму. Так и знай!

Каждое слово, произнесённое этой злой женщиной, ударяло меня ещё одной оглушительной пощёчиной. Опозорена! Обесчещена! Все будут показывать на меня пальцем, смеяться надо мной и считать падшей женщиной – дешёвой и легкодоступной! Ну и пусть! Всё лучше, чем оставаться ещё хоть минуту с этими людьми! А Малик... Малик... как он поступит, когда узнает о том, что со мной произошло? Возненавидит... А вдруг... а вдруг он придёт за мной? О, если бы он пришёл! – я мысленно зацепилась за эту крохотную надежду, как утопающий за соломинку. Ведь именно сейчас Малик был мне нужен, как никогда...

В дверь постучали. Все трое: тетя Фируза, я и Зафар одновременно вздрогнули.

– Здесь я! Здесь! – завопила я сама не своя, бросаясь к двери и изо всех сил начав колотить в неё руками и ногами. Близость родного человека придала мне духу.

Тётя Фируза, не менее проворно подскочив ко мне, оттолкнула меня в сторону, а затем с непринуждённым видом открыла дверь. На пороге стояла моя мать...

Через десять минут она покинула дом Фирузы. Меня она с собой не взяла, а сказала на прощание такие слова:

– Уже не вернуть того, что сделано. Видать, такова твоя судьба. Не проси невозможного. Домой ты вернуться не имеешь права. Подумай о своей сестре. Если вернёшься, то все решат, что ты была «нечиста», и честь и достоинство нашей семьи будет навсегда запятнано. На Ираде

никто не женится, и твоих остальных сестёр станут вечно попрекать тобой их мужья и знакомые. Не плачь, не умоляй меня, и не смей говорить, что наложишь на себя руки. Если ты сделаешь это, то и я умру. Если ты готова причинить зло своим родным, то поступай, как знаешь. – Марзийя сквозь слёзы взглянула в последний раз на склонившуюся к её ногам рыдающую дочь и ушла, растворилась в вечерних сумерках.

После этих событий прошло два месяца. За это время нам с Зафаром сыграли свадьбу. Зажили мы вместе с его матерью. Первые месяцы нашей семейной жизни Зафар обращался со мной хорошо: был ласков, предупредителен, да и тётя Фируза старалась не обижать юную невестку. Она учила меня готовить, стирать. Зафар работал сторожем в школе, а тётя Фируза получала пенсию, тем и жили. Покорившись своей судьбе, я безропотно выполняла требования и пожелания мужа и свекрови, всегда улыбалась, а по ночам, когда в доме все засыпали, беззвучно плакала в подушку.

## Глава 6. Ирада

Пока Ситара тянула насильно навязанное ей ярмо супружеской жизни, я пыталась обратить на себя внимание Малика. Уж чего только я не делала для этого! Поджидала его вечером с работы и, увидев юношу ещё издали, принималась усердно подметать на улице перед воротами нашего дома. Не забыв при этом накраситься, надеть новое платье и сделать кокетливую причёску. Или когда матери не бывало дома, я навевалась прямо к ним домой под невинным предлогом: соли попросить или ещё чего. А дальше – больше: с сахарным голоском я вызывалась помочь тётке Аиде по дому. Та сначала отказывалась, но я с ангельской улыбкой выхватывала у неё из руки веник или же принималась полоскать их бельё с таким рвением, что женщина лишь пожимала плечами и посмеивалась: мол, будь по-твоему.

Но Малик продолжал оставаться бесчувственным бревном и игнорировать меня. Я приходила подчас в бешенство. Я всем нутром чувствовала, что Малик всё ещё влюблен в Ситару, всё ещё думает о ней, знала, понимала это, но ни на мгновение не теряла надежды, что в один прекрасный день он выберет именно меня и забудет Ситару. Как охотник следует по пятам за своей жертвой, так и я не оставляла в покое соседского юношу, поставив перед собой цель заполучить его себе любым способом. Однажды я собралась с духом и попросила мать Малика помочь устроить меня на работу в качестве продавщицы в тот самый магазин, где работал Малик и его отец. К тому времени они уже взяли этот магазин в аренду.

– Дома мне скучно, а работать мама у незнакомых людей не разрешает. Сколько ни заплатите, я согласна, – невинно хлопая ресницами, нежно проворковала я тётке Аиде.

В последнее время подавленный вид Малика очень тревожил его мать. Она отлично понимала, что её сын страдает из-за непростительного поступка Ситары, выбравшей не его, а какого-то выскочку. И мои старания оказаться поближе к её сыну тоже не ускользнули от её внимания. И, буквально за один день вопрос о моём трудоустройстве был решён на коротком семейном совете, возглавляемым тёткой Аидой. Уговорить свою мать мне оказалось делом более трудным, но и та сдалась после долгих пререканий, слёз и стенаний своей упрямой дочери. Я была на седьмом небе от счастья. Теперь я имела возможность видеть Малика каждый день! Пусть он обращался со мной сухо и не выказывал ни малейшего признака внимания, но уже то, что я была рядом с ним, значило для меня многое. Ещё чуть-чуть, и он будет принадлежать мне, думала я. Нужно лишь потерпеть, подождать. Эта мысль грела мне сердце, и заставляла целые дни проводить, томясь за пыльным прилавком в ожидании чуда.

После того, как я стала продавщицей, Малик заходил туда, лишь когда ему что-то нужно было взять, деньги, например. В такие моменты я пыталась его разговорить, весело щебетала как птичка, но все мои попытки сблизиться с ним разбивались, как волны о чёртову скалу. В последнее время Малик пристрастился к выпивке и к развлечениям с друзьями. Из-за этого у него частенько случались стычки с его родителями, особенно с отцом, но никакие упрёки и наставления не могли образумить юношу.

Однажды под вечер он пришёл в магазин в обычном своём скверном настроении. Но я мельком успела заметить в целлофановой сумке, которую он держал в левой руке, несколько бутылок со спиртными напитками. Сквозь зубы Малик пробурчал мне, чтобы я шла домой. Конечно же, я безропотно подчинилась его приказу, но дома не могла найти себе места, нервничала и прождала его возвращения до позднего вечера. Может быть, с десятков раз, не меньше, тайно заглядывала через ограду во двор отцовского дома Малика. Не успокоилась и тогда, когда в их доме погас свет. Тысячи беспокойных мыслей крутились в моей голове. А вдруг грабители залезут в магазин и убьют Малика? Если он напился, то точно не запер дверь. Перед моим взором представляли одна за другой кровавые, страшные картины. Нет, я должна быть

уверена, что с ним всё в порядке! Пойду и удостоверюсь, там ли он, и быстренько вернусь, решила я, и, спрыгнув с соседской ограды, поспешила домой. Тихо, на цыпочках прокравшись в спальню, я несколько минут внимательно прислушивалась к сонному посапыванию матери. Убедилась, что она спит, и быстрой тенью выскочила из дома. Я как ветер понеслась по тёмной, безлюдной улице с растущими на обочинах дороги зелёными кудрявыми ивами. Мне было страшно, но тревога за любимого, страсть и необузданное дикое желание гнало меня вперёд.

Единственное окно магазина выходило на проезжую часть дороги. Оно было зарешёчено, но сквозь него просачивался еле видимый лучик света. Я радостно перевела дух, а спустя мгновение трясущейся от волнения рукой тихо-тихо постучала в дверь магазина. Внутри магазина не было слышно ни звука. Моё сердце забилося так часто и сильно, что стало трудно дышать, но я опять постучала. Дверь неожиданно скрипнула и приоткрылась. Она была не заперта! Я немедленно проскользнула внутрь магазина. Подойдя к полуприоткрытой двери склада, я остановилась как вкопанная. Моё тело отказывалось сделать ещё один шаг, хотя цель была уже близка – я видела сидевшего ко мне спиной Малика. Перед юношей на маленьком низком столике стояла почти пустая бутылка с водкой, гранёный стакан, ещё одна пустая бутылка валялась под столом. Но не это привлекло моё внимание. Я услышала какой-то странный звук, похожий на стон. Спустя несколько секунд я поняла, что это не стон, это Малик плакал. Мне стало стыдно и неловко. И обидно. Он плачет, потому что всё ещё любит эту проклятую Ситару! Я повернулась, чтобы уйти, но в темноте задела ногой пустую бутылку. Бутылка откатилась от меня и стукнулась о стену с характерным стуком, дававшим понять, что удар оказался не слабым.

Малик вздрогнул.

– Кто там?! – испуганно крикнул он, вскочив со стула.

Я так и замерла на месте. Ничего путного мне не пришло на тот момент в голову, как сказать:

– Это я.

Малик проворно схватил стул и, подняв над головой, грозно прорычал:

– А ну, выходи на свет! Живо!

Мысленно ругая себя на все корки, я вошла в склад и предстала перед изумленным Маликом.

– Оф! Как же ты меня напугала, глупая девчонка! – облегчённо переведя дух, проговорил он и поставил стул на место. – Я думал, это воры! Собирался уже драться с ними! Говори, зачем пришла? Сумку, наверное, свою опять забыла здесь?

В те дни, когда Малик заменял меня в магазине, одним из моих предложений для возвращения туда являлась моя сумка. Своим вопросом юноша, сам того не зная, помог мне с лёгкостью выбраться из того неловкого положения, в котором я нечаянно оказалась.

– Да, сумка, – пролепетала я, – я пришла за ней и заметила, что дверь не заперта. Как и ты, подумала, что воры пробрались в магазин. Решила проверить, всё ли в порядке здесь.

– Слушай, да ты хотя понимаешь, о чём говоришь? Ты одна-одинёшенька решила проверить, есть ли здесь воры?! Ты или совсем ещё дитя неразумное, или храбрец, или просто сумасшедшая! Я от страха протрезвел аж, а ты в темноту ринулась спасать чужое добро!

Я улыбнулась и смущённо потупила взор. Только бы он не спросил меня, сколько сейчас времени! Тогда мне конец, промелькнуло у меня в голове.

– А знаешь, когда ты улыбаешься, то становишься похожей на... – тут Малик запнулся, решив, что сболтнул лишнего, и торопливо закончил, – так ты возьми сумку и ступай домой. Наверное, уже поздно, и...

– Нет, не очень поздно, – торопливо прервала я его тираду и повернулась, чтобы уйти. Но не смогла. Обернулась к нему и выпалила:

– Ты хотел сказать, что я похожа на мою сестру Ситару? – мой голос тревожно зазвенел в полной тиши комнаты. – Ты это имел в виду, да? Ты ошибаешься, мы с ней совершенно разные. И, пойми же, наконец, – она тебя недостойна, она никогда тебя не любила! Никто не знал её лучше, чем я! Это самое глупое, бессмысленное создание, когда-либо приходившее в этот мир! Не думай о ней, на свете есть девушки, в сто раз лучше, красивее и умнее Ситары! – на моих глазах выступили слёзы, хотя я крепилась изо всех сил. О нет! Сил моих больше не было! Как и гордости! Всхлипнув, я сделала шаг к Малику и протянула к нему руки. – Хочешь, я помогу тебе её забыть?

Долгую, бесконечно долгую минуту Малик молча смотрел на меня. Смотрел так, словно видел впервые.

– Так сильно ты меня любишь? – спросил он.

Внутри у меня всё запылало. Я подошла к Малику, привстала на цыпочки и поцеловала юношу в щёку.

– Я готова за тебя жизнь отдать. Только скажи! – прошептала я, закрывая глаза.

Малик обнял меня и принялся целовать: грубо, исступленно лаская, а я лишь тихо постанывала, отвечая ему неумелыми, но страстными поцелуями... Когда забрезжил рассвет, я лёгкой тенью выскользнула из дверей магазина и побежала что есть силы домой.

Начиная с той памятной для меня ночи, моя жизнь превратилась в некий упоительный и, вместе с тем, доставлявший мне пронзительную душевную боль, сон. Мне всё ещё казалось, что отдавшись Малику, подарив ему самое драгоценное, что у меня было, я завоюю его сердце. Каждый раз, когда мы с ним занимались любовью, я отдавалась страсти со всем пылом влюблённого без оглядки человека. Во время этих встреч Малик шептал мне слова любви, ласкал так, что я таяла в его объятиях. Когда его не было рядом со мной, что бывало довольно часто, я часами могла мысленно прокручивать в своей голове невидимую киноленту и вспоминать, что говорил он мне во время ласок. Я вспоминала его поцелуи и свято верила, что и он помнит о каждой проведённой со мной ночи любви. Какая глупость с моей стороны, не правда ли? Но нет, я продолжала уверять себя, что он, как и я, тоже помнит каждое мгновение проведённого со мной времени, и ценит ту лавину чувств и сладостных как мёд ощущений, что испытывала я. И это «помнит» влюбляет его в меня. С каждым днём всё глубже и крепче. Но если бы я заглянула в мысли Малика, то, увы, ничего подобного из того, что я себе воображала, в его голове не прокручивалось, не вспоминалось. Для него любовный акт был естественным биологическим процессом, как вкусный обед, к примеру... съел, понравилось, но если через несколько часов или дней спросить его, что ты ел в прошлый вторник, то он затруднится ответить, и его охватит недоумение от этого вопроса. Зачем помнить то, что можно повторить каждый день, или часто, или иногда?

Одно обстоятельство очень беспокоило меня. Имя этому обстоятельству было Ситара. Вот уже несколько месяцев прошло с тех пор, как та вышла замуж, и ни разу с тех пор не навестила ни мать, ни сестёр. Таков был обычай: если девушка выходила замуж без благословения родителей, то после свадьбы обе семьи – и жениха, и невесты – обязаны были договориться о примирении, после чего устраивали ещё одну свадьбу, но уже в доме невесты. Вот этого события я и боялась больше всего на свете. Я не хотела этого примирения, ведь случись это, и Ситара уже частенько будет захаживать в гости к матери. Её обязательно увидит Малик, и кто знает, что он подумает, что сделает. С глаз долой – из сердца вон, решила я про себя, и всячески старалась напомнить матери о бессовестном проступке Ситары, посмеявшейся убежать замуж за первого встречного.

– Не прощай её, мама. Она должна заплатить сполна за то, как плохо она с нами со всеми поступила!

Мать отмалчивалась. Она сердилась на Ситару, и в то же время очень сильно переживала за неё. Бросив дочь одну расхлёбывать свои проблемы, скрупулёзно блюдя обычаи, по которым девушка, оказавшаяся в таком положении, как Ситара, имела право вернуться в родной дом лишь в качестве гостыи и лишь после того, как стала бы женой человека, опозорившего её, – Марзийя, тем не менее, переживала за дочь и всем сердцем желала ей счастья в новой семье.

## Глава 7. Зафар

– Кажется, от этой Марзии никакого прока нам не будет, сынок! Уже целых три месяца прошло с тех пор, как Ситара стала моей невесткой, а её мать и в ус не дует! Не желает мириться, и всё тут! Ни разу не навестила дочь, не поговорила со мной по-человечески. Слово тебе говорю, эта жадина приданого не хочет давать за дочерью, поэтому и прячется! Говорила я: давай сосватаю тебе старшую дочь моей доброй соседки Зумруд! И умница, и мастерица, и услужливая, и красавица...

– Красавица? Это ты про Вафу? Да у неё самый длинный нос на свете!

– Совсем и не длинный! Может только чуть-чуть, да и то ей к лицу. И не смей насмешничать! Какими нас Аллах создал, такими мы и должны быть, – ворчание тёти Фирузы быстро перешло на более высокие, крикливые тона, и Зафар понял, что ему пора исчезнуть куда подальше, пока мать совсем не рассвирепела. Сегодня она с самого утра была не в духе. Ситара почувствовала себя плохо, её знобило, и, в результате, матери пришлось самой замесить тесто, приготовить обед и вымыть посуду. Теперь она была не в духе и пыталась на ком-нибудь сорвать свою злобу.

Воспользовавшись тем, что мать пошла кормить кур, я проскользнул в дом и зашёл в спальню, где, свернувшись калачиком на кровати, лежала Ситара.

– Милая моя, красавица моя, как ты себя чувствуешь? – присев на край кровати и ласково погладив её по голове, спросил я.

Ситара открыла глаза и, улыбнувшись мне, ответила слабым голоском:

– Голова кружится. И подташнивает иногда.

– Говорил же я, пойдём к врачу, на обследование.

– Ты же знаешь, что я ненавижу больницы и уколы, – прошептала Ситара, и устало закрыла глаза, – полежу, и всё пройдёт.

– Нет, любимая, – покачав головой, сказал я озабоченно, – так дело не пойдёт. Моя мать – женщина простая, грубоватая. Ей и через сто лет не придёт в голову отвести тебя к врачу, а мне не удаётся поднять тебя с постели. Остаётся лишь одно: поговорить с твоей мамой и привести её сюда. Может быть, после этого ты согласишься на поход к врачу.

– Не думаю, что она тебя послушается. Она не простит меня, хотя я ни в чём и не виновата.

– Я вижу, что твоя мать – женщина принципиальная, строгая. Но я найду способ уговорить её. Моя мать вместе с несколькими соседками ходили уже к ней месяц назад. Но твоя гордая свекровь совершила ошибку, сказав тёте Марзии, что ты была давно уже в меня влюблена и сама пришла в наш дом. По собственному желанию. Милая, я признаюсь твоей матери в том, что это не так, и ты не виновата. Я уверен, что после моих доводов она прибежит к тебе с распростёртыми объятиями.

Ситара посмотрела на меня с недоверием и ничего не сказала. Только кивнула. Мол, поступай, как считаешь нужным. Я был на многое готов, чтобы угодить молодой жене. Ради её улыбок, ласок, поцелуев. Если бы мать целыми днями не околачивалась дома, то я и домашние дела выполнял бы вместо Ситары, лишь бы сделать ей приятное. Но стоило мне один раз взять из рук Ситары веник и вымести пол в гостиной, как вдруг, откуда ни возьмись, появилась мать и принялась стыдить и ругать меня.

– Не мужика я родила, не сына себе и защитника, а бабу настоящую! Подкаблучник! Ишь ты, какой сладкой оказалась для него жена! Матери не то чтобы помочь, а и слова ласкового

не сказал за всю жизнь, а этой выдре и шагу не даёт ступить! Облизывает её целый день, как конфету, тьфу на тебя!

Ситара постоянно грустила, и я подумал, что если помирюсь со своей новоиспечённой свекровью, то развеселю свою жену. Как решил, так и сделал. После того, как я тайно от матери навестил тётю Марзийю и поговорил с ней, та позвонила Фирузе и сказала, что готова к примирению и ждёт нас всех в гости. То ли от радости, то ли ещё от чего, но недомогание Ситары как рукой сняло. И ко мне она начала относиться по-иному: с нежностью, но особенной, так, словно отпустила камень со своей души и простила человека, перевернувшего её жизнь и заставившего её страдать. А я же после того, как помирил Ситару с её матерью, признаюсь, возгордился собой ещё больше. Очень мудро я поступил! И мать свою не обидел и жене угодил. А я, между прочим, за всю жизнь ни единой книги не прочёл. Но моим учителем является сама жизнь. И я неплохой ученик. Моя жизнь складывается именно так, как мне этого хочется.

## Глава 8. Малик

Я внимательно смотрел на худосочного молодого мужчину, одетого в мешковато сидевший на нём костюм из серой блестящей ткани, с длинными, не по размеру, рукавами. Из них нелепо выглядывали кончики его пальцев. Несмотря на свой неуклюжий вид, владелец костюма чувствовал себя превосходно и уверенно, и, видимо, млея от мысли, что он неотразим. Об этом говорили его колесом напружинившаяся грудь и гордые взгляды, бросающиеся им на окружающих. И чем дольше я смотрел на него, тем сильнее возгоралось во мне желание придушить этого человека.

Я выпил залпом очередную рюмку водки и сделал вид, что не заметил обращённого на меня тревожного взора матери. Сегодня, после столь долгой разлуки, я вновь увидел Ситару. С той самой минуты, как она вышла замуж, моя жизнь превратилась в некий бесконечный кошмар. До той минуты я и сам не понимал, насколько дорога была мне эта маленькая, хрупкая девочка с синими как небо, глазами. Как странно! Я и пальцем её ни разу не касался, но желал так сильно, что это было похоже на неизлечимую болезнь. Люди пришли бы в ужас, скажи я им, что женюсь на Ираде, чтобы быть ближе к её сестре. И ни замужество Ситары, ни факт того, что я готовился жениться на её родной сестре, не в силах были унять мою горячую тоску по ней, моё желание обладать ею. И обиду на неё, и злость, что бурлили во мне.

Двор вдовы Марзийи сегодня был наполнен людьми и шумом. Длинные столы, расположившись под навесом, увитым виноградными лозами, были украшены цветами и блюдами с едой и фруктами. За ними сидели гости, которых Марзийя пригласила на обручение своей дочери Ирады с Маликом. Стоял погожий осенний день. Несколько мужчин готовили шашлык в саду. Соседские ребята бегали и играли. Их весёлый смех и голоса смешивались с голосами их матерей. В этот день женщины особо за своими отпрысками не приглядывали и не одёргивали их по обыкновению, требуя вести себя прилично, а с ужасно деловым видом тоже бегали туда-сюда по всяким пустякам: разносили салфетки, расставляли тарелки, стаканы и т. п. и т. п.

Ирада, одетая в длинное, до пят красное платье с белоснежными розочками в пышных волосах, сияла как солнце. Выражение её лица заметно помрачнело, когда она увидела свою младшую сестру Ситару с её мужем. Но Ирада всё же обняла сестру и громко сказала, с улыбкой указывая пальцем ей на припухший живот:

– Надеюсь, мой племянник или племянница не будет похож нравом на тебя! Ты была ещё той шалуньей! – сказала и взглянула на меня, сидевшего рядом с ней во главе стола. Смотри, словно говорил её торжествующий взгляд, – Ситара беременна, она никогда уже не будет твоей. А я твоя, я рядом! Я отвернулся, всем своим видом выказывая полнейшее безразличие к появлению новоиспечённой свояченицы и её супруга.

Зафар заметил это и нахмурился.

– Да он высокомерный ублюдок, – пробормотал задетый за живое юноша, наклонившись к уху Ситары. – И что особенного нашла в нём твоя сестра?

Ситара смущённо пожала плечами и поспешно отошла к группе женщин, нарезавших хлеб на небольшом столике возле дома.

Во дворе царила весёлая и непонятная для неисклюшённого человека кутерьма. Одни гости ели, другие гости прислуживали им, дожидаясь своей очереди. Никто не обижался, и всем было весело. Невесте и жениху, в основном, дарили подарки, а не деньги. Дарили всё, что могло иметь мало-мальски товарный вид: цветочные вазы, дешёвые головные платки и духи, ночные сорочки т. п. и т. п. Принимались эти дары с милым видом и благодарностями. А после окончания праздника подарки уже новыми их хозяевами распределялись по шкафам

и сундукам, и иные сопровождались словами: «Ну, карга жадная, посмотришь, что подарю я тебе на свадьбу твоего сына!».

Но до окончания праздника в доме Марзии оставались ещё часы и минуты. Гости продолжали пировать и веселиться от души, а я в самом скверном, самом мрачном расположении духа продолжал заглушать свои мысли спиртными напитками.

Я появился перед столом, где сидели Ситара с Зафаром, в самом разгаре всеобщего веселья – многие из гостей танцевали, а от людского смеха и говора можно было оглохнуть. Без всякого стеснения я уставился на молодых супругов: пьяный, взъерошенный, злой. Не знаю, что на меня нашло. Нет, знаю! Не мог я более вынести того, как этот подлец на моих глазах прикасался к Ситаре, то и дело что-то шепча ей на ухо! Увидев меня, Ситара вздрогнула, а Зафар чуть не подавился аппетитным куском мяса, который он за мгновение до этого отправил себе в рот.

– И это он? – насмешливо ткнув пальцем в сторону Зафара, сказал я. – И ты меня променяла вот на этого жалкого и несчастного замухрышку? Я сделал бы тебя самой счастливой на свете женщиной! Но ты выбрала его?! Его?! Эту жалкую тряпку?! Как ты могла так поступить со мной?!

– Эй, ты! Попридержи свой поганый язык! – до её ничтожного мужа наконец-то дошёл смысл сказанных мною слов, и он, отбросив пинком стул в сторону, полез с кулаками на нахального парня, посмеявшегося оскорбить его. – Ситара, иди к моей матери и скажи ей, чтобы немедленно покинула вместе с тобой этот дом.

Всего лишь один удар кулаком, и Зафар уже лежал на земле с окровавленным носом и орал:

– Он сломал мне нос! Он ударил меня!

Я, не теряя времени, подошёл к Ситаре и схватил её за руку, не дав ей возможности убежать. Ирада стояла поодаль и молча смотрела на нас. Музыканты больше не играли, под навесом стояла тишина, хотя людей там было немало.

– Ситара, – сказал я, – я не могу без тебя жить! Я люблю тебя! Умоляю, пойдём со мной! Я увезу тебя отсюда, и мы больше никогда не расстанемся!

– Сынок, успокойся, ты пьян... – вне себя от стыда моя мать вцепившись в меня, пыталась оттащить от Ситары своего обезумевшего сына, но бесполезно.

Гости стояли в смущении.

– Малик, отпусти меня! – пытаюсь вырваться, закричала Ситара. – Немедленно отпусти меня! Мама!

Марзии уже сообщили о случившемся, и она спешила на помощь дочери. Пока она отчаянно пыталась пробиться сквозь толпу любопытных зевак, я продолжал говорить, а точнее, кричать. Я был пьян, но готов и сейчас подтвердить, что все мои слова были сказаны в ту минуту совершенно искренне и от всей моей души. Но Ситара меня не услышала. Она не хотела меня услышать. И когда я это понял, я возненавидел её.

– Запомни, девочка, одно, – я не дам тебе возможности стать счастливой, – вот что я тогда прокричал ей. – Слышишь?! Никогда! Я страдаю, но и ты будешь страдать тоже! Пока не положишь конец всему этому жалкому фарсу и не придёшь ко мне. А до этих пор я превращу каждый день твоего существования в кромешный ад. И роди ты хоть троих, десятерых, мне всё равно. Я не оставлю тебя в покое. Ты будешь так же несчастна, как и я. Даю тебе слово!

– Ах ты, мерзавец! Ты человек без чести и совести! Убирайся вон из моего дома! И чтобы духу твоего здесь больше не было! – на меня обрушился шквал ударов, наносимых разъярённой Марзией.

Я отпустил руку Ситары и она убежала. А Марзия набросилась уже на мою мать.

– Так-то ты воспитала своего сына, Аида? Он опозорил моих дочерей. С одной обручился, а другую пытается опорочить, запятнать её честь! Что вы хотите от нас? Да покарает вас Аллах! Как вы могли так поступить со мной и моими девочками?! Как вы будете теперь смотреть в глаза людям?! Ох, так бы и выцарапала глаза твоему ублюдку! – и с этими словами Марзийя сделала движение, которое не оставляло сомнений в том, что она выполнит только что сказанное ею без промедления. Помешала Ирада.

– Мама, нет! Пожалей меня. Я беременна от Малика, – уткнувшись мокрой щекой ей в волосы и судорожно всхлипывая, прошептала она. – Да стану я жертвой у твоих ног, остановись! Потому что я выйду за него замуж, даже если тысячи Ситар встанут у меня на пути! Это она виновата! Она соблазняла его на каждом шагу. Я сама это видела! Мама!

У Марзийи потемнело в глазах. Последнее, что она услышала перед тем, как потерять сознание, был взбудораженный голос Фирузы, свекрови Ситары:

– Бедный мой сынок, что они с тобой сделали?! Это ты во всем виновата, невестка! Ответишь мне за это! Змея подколотная!

## Глава 9. Ирада

Вот уже два года прошло с тех пор, как я стала законной супругой Малика. У нас есть отдельный дом со всеми удобствами. У моего мужа есть собственный бизнес – это небольшой магазин по продаже автозапчастей, и живём мы с ним, не испытывая особых затруднений. Я покупаю себе вещи, какие захочу. Мой дом – это полная чаша, где каждый уголок говорит о достатке его владельцев. Соседки мне завидуют, сёстры часто обращаются за помощью, и говорят, что я счастливица. Что я добилась своего. Что я – сильная.

А я несчастна. И каждый день моего существования доставляет мне не радости, а тоску и душевные муки. Целыми днями я в одиночестве слоняюсь по своему дому в старом халате, и часто забываю даже причесаться. Спустя месяц после свадьбы я потеряла своего ребёнка. И вот уже два года как не могу забеременеть. Нет, это не так уж и страшно, страшно другое! Страшно осознавать, что достигнутая человеком цель зачастую оказывается палкой о двух концах.

Один конец этой палки таков: я достигла, чего желала и к чему стремилась всем своим сердцем. Второй же конец... он как бесконечная вереница злых и запутанных снов. А началась эта вереница моих злоключений с того дня, когда мой муж купил солидный участок земли и построил там большой благоустроенный дом, посадил много деревьев. Что же тут плохого, скажете вы... Наш дом был возведён прямо напротив дома Ситары, и тихими летними вечерами Малик любит выпить чаю на балконе нашей спальни. С этого балкона двор дома Ситары виден ему как на ладони.

А так как я держать в себе свои эмоции не способна, то частенько устраивала Малику отвратительные сцены ревности, отчего на том самом балконе обычное мирное чаепитие превращалось в настоящую баталию. Особенно когда на своём дворе появлялась Ситара, вывешивая постиранное бельё, подметая, гуляя с маленькой дочерью Раминой или занимаясь иными домашними делами. Если бы кто спросил меня, люблю ли я свой дом, то я бы ответила: «Нет! Я ненавижу в нём каждый уголок, ибо он построен не для меня».

Я добилась своего. Малик стал моим мужем. Но если твой мужчина, по ночам обнимая и целуя тебя, при этом произносит имя другой женщины, если он вечно сравнивает тебя с твоей соперницей и не стесняется в выборе слов и всегда признаёт её лучше тебя, ну а ты продолжаешь его любить так же сильно, как и ненавидеть, то вот тогда начинаешь понимать, что не всегда достигнутые человеком цели приносят ему счастье.

И частенько я глотала слёзы бессилия по ночам, когда сквозь поцелуи и ласки снизошедшего до меня мужа я слышала ненавистное мне имя: «Ситара». И ни мои крики, ни мои угрозы, ни мои проклятия и мольбы не трогали сердце Малика, и не способны были заставить его жить и мыслить по-иному, жизнью, где не было бы места моей сопернице, моей родной сестре.

Но однажды произошло чудо! Я забеременела. Родила сына. И словно мановением волшебной палочки моя жизнь преобразилась как в сказке! По вечерам Малик уже спешил не к друзьям покутить, как обычно, допоздна, а приходил домой. Часами он самозабвенно играл с маленьким Ренатом, укачивал его на руках, покупал ему дорогие игрушки и горделиво называл своим солнышком и наследником. Отныне долгими зимними вечерами я наслаждалась чудесной картиной, олицетворением семейного уюта, и гармонии, и музыки для моей души – своим малышом и мужем. И хотя всё ещё боялась верить своему счастью, но хорошее настроение – такой редкий для меня гость, стало посещать меня всё чаще. Невольно я вспоминала свою покойную мать, скончавшуюся год назад от инфаркта, и мысленно шептала ей: «Мама, ты не верила, что у нас с Маликом всё получится, но теперь ты можешь быть спокойна. Аллах не оставил меня в отчаянии!».

Я словно заново родилась на белый свет. Наряды и драгоценности, которые ранее не доставляли мне радости обладания, теперь вновь привлекли моё внимание. Больше всего я любила тот момент, когда, нарядившись в пух и прах, и я отправлялась вместе с Маликом на прогулку или на чью-нибудь свадьбу. Сына Малик любил сажать себе на колени, и таким образом вёл машину. Особое, острое наслаждение, от которого у меня аж захватывало дыхание, вызывал тот миг, когда нам на пути нечаянно попадалась Ситара, с мужем или без него. Я получала неслыханное удовольствие при виде своей более чем скромно одетой сестры. Завидев нас, Ситара потупляла взор или отворачивалась, но я была уверена, что она умирает от зависти. От моего внимания не ускользал и тот факт, что отныне Малик не обращал внимания на Ситару, даже не смотрел в её сторону. Наконец-то, спустя годы, я могла свободно вздохнуть грудью и ощутить так не достававшее мне удовлетворение жизнью.

Однажды, в канун весенних праздников, приходившихся на месяц март, в дверь моего дома кто-то постучал. Сначала тихо, а потом забарабанили кулачком, словно дождём по стеклу. Было три часа дня. Я, покормив сына, только что уложила его спать. Отобедавший ещё раньше Малик уехал куда-то по своим делам. Я пошла открывать дверь неизвестному гостю. Каково же было моё изумление, когда на пороге моего дома появилась Ситара! От неожиданности я потеряла дар речи! Лишь впиалась гневным взглядом в застывшую передо мной в робкой позе младшую сестру. Ревность проснулась во мне немедленно, с ещё большей силой, и тысячи неприятных мыслей полезли в голову, каждая по-своему объясняя причину прихода моего лютого врага. И в то же время от моего взора не ускользнуло и то, что Ситара выглядела почти такой же юной и прелестной, как и пять лет тому назад. И ни её дешёвый жакетик, ни потёртые старые туфельки на ногах не могли скрыть этого факта.

– Пожалуйста,пусти меня в дом. Я не хочу, чтобы Зафар увидел меня здесь! – тревожно оглядываясь по сторонам, заговорила Ситара.

Любопытство взяло вверх над гневом, и я, молча кивнув, позволила ей зайти.

– Я всего лишь на секундочку. Малышку оставила дома без присмотра, да и Зафар должен вернуться с минуты на минуту, – просто, как ни в чём не бывало, улыбнувшись мне, сказала Ситара, – вот, это для тебя. Ты очень любила сладкий хлеб, помнишь? Поздравляю тебя с праздником, сестра!

Только сейчас я заметила в руках Ситары поднос со сладостями. И в этот момент моё сердце преобильно сжалось, а к горлу подкатил горький ком. Ситара продолжала говорить, и каждое её слово попадало в цель, но не ранило, а словно залечивало мои ноющие раны ласковым колдовским бальзамом. Я посмотрела ей в глаза и увидела, как по щекам Ситары текут слёзы.

– Мне очень тебя не хватает, – прошептала она, – я так скучаю по тебе, Ирадочка! Ах, если бы... если бы только, – она запнулась, не сводя с меня печального взора.

О, как сладостно было ощущать в себе любовь и прощение!

– Ситара, я... я... всё могло быть иначе, но знаешь... ты не виновата... я это понимала всегда, слышишь? – хлюпая носом проговорила я и, заплакав, протянула к ней руки. – Обнимаю, сестричка моя!

Это было прекрасно. Многолетняя вражда испарилась при одном лишь прикосновении родных рук! Мы плакали, но то были слёзы радости и удивительного внутреннего облегчения. Ещё мгновение, и все неприятности и недомолвки, произошедшие с ними в прошлом, все обиды будут забыты навсегда!

– Пойдём, я приготовила ароматный чай. Со свежим чабрецом. Твоим любимым! – прошептала я сестре на ухо.

Ситара медлила.

– Всего на пять минут, не более, – успокоила я её и ласково пошутила: – Зафар тебя подождёт!

– Ба! Какие люди! Кого я вижу в своём доме! – раздался возле нас громовой, сердитый голос.

Мы с Ситарой обернулись одновременно. К нам стремительной походкой приближался Малик. Его лицо было красно от злости, и было заметно, как у него на шее вздулись вены.

– Милые сёстры помирились? Больше никаких ссор? А кто старое помянет – тому глаза вон, не так ли? А может нам ещё и в гости сходить друг к другу?! А? Вы к нам, мы к вам. Как все дружные, любвеобильные, чёртовы родственнички?!

– Малик! Перестань! – сама не зная почему, я невольно попыталась загородить собой сестру, но Малик буквально отшвырнул меня в сторону. Он как обезумевший схватил Ситару, привлек её к себе, и крепко обняв упиравшуюся изо всех сил девушку, прорычал ей на ухо:

– Не будет тебе покоя, Ситара, ни тебе, ни мне, и никому из нас! Неужели ты ещё не поняла этого? Или ты будешь принадлежать мне, или эти мучения продолжатся! Но одно зарубите себе на носу – вам не суждено сыграть роль ласковых сестёр! Я люблю тебя, а на ней женат, и в этом виновата только ты. Ты должна была стать моей, и станешь, слышишь?

– Чтоб тебе пусто было! Ты же муж моей сестры! – простонала Ситара, стараясь вывернуться из его стальных объятий. – Что же это такое? Заколдованный, проклятый круг! Малик, ты сумасшедший! Тебя нужно упрятать в психушку! Ты мне всю жизнь испоганил! Ненавижу тебя! Ненавижу!

В эту минуту в распахнутые ворота вбежал Зафар. Когда он увидел свою жену в объятиях Малика, а меня без памяти лежавшей на земле, он просто обомлел. Его худощавое лицо исказила страшная гримаса. А в следующее мгновение Зафар бросился на Малика с кулаками. Защищаясь, тот невольно разжал руки, и, оказавшись на свободе, Ситара со всех ног пустилась бежать домой. На пороге её ждала свекровь – бледная, спокойная, как безжалостное олицетворение смерти.

– Ну что, кобыла, доигралась? Теперь и рога моему сыну подарить удумала? – она смотрела поверх головы невестки, всем своим видом показывая, что та недостойна даже её взгляда.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.